

Л. Е. Веснина, Е. А. Нахимова
Екатеринбург, Россия

ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЙНЫ В РОССИИ

АННОТАЦИЯ. Публикация представляет собой рецензию на коллективную монографию «Лингвистика информационно-психологической войны» (Книга 1 / под ред. проф. А. П. Сквородникова. — Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2016. — 280 с.; авторский коллектив: А. А. Бернацкая (п. 4.1, 5.1—5.3), И. В. Евсеева (п. 4.2), А. В. Колмогорова (п. 3.4), Г. А. Копнина (п. 6.1, 6.2), А. П. Сквородников (предисловие, п. 6.3), А. П. Сквородников и Г. А. Копнина (п. 1.1—1.3, 2.1—2.3, 3.2, заключение), Б. Я. Шарифуллин (п. 3.3)). Книга посвящена обоснованию лингвистики информационно-психологической войны как научного направления в рамках политической лингвистики. В первом разделе монографии приводятся серьезные научные основания лингвистики информационно-психологической войны как особого направления политической лингвистики, уточняются ключевые терминопонятия, намечаются возможные пути исследования языка текстов с признаками информационно-психологической войны (стратегии и тактики, лексико-грамматический строй текстов, языковая игра и др.). Второй раздел посвящен изучению частных аспектов информационно-психологической войны: русского языка и православия как очевидных мишеней такого противоборства, а также потенциала художественной литературы как особого пространства информационно-психологической войны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: информационно-психологические войны; политический дискурс; медиадискурс; средства массовой информации; язык СМИ; коммуникативные стратегии; коммуникативные тактики; языковая игра.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Веснина Людмила Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного Уральского государственного педагогического университета; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, каб. 285; e-mail: levesna@yandex.ru.

Нахимова Елена Анатольевна, доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного Уральского государственного педагогического университета; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, каб. 285; e-mail: nakhimova@gmail.com.

К сожалению, сегодня практически каждому жителю России знакомы сочетания «информационная война», «информационно-психологическая война», «информационно-психологическое воздействие». Данные понятия стали расхожими в лексиконе журналистов, политиков, исследователей в самых различных сферах знаний: философии, политологии, коммуникативистики, психологии и др. Однако далеко не каждый может четко определить границы обозначенных терминов, выделить мишени и источники данного явления, а зачастую даже понять цели «информационно-психологических атак». Помочь разобраться с этой проблемой и призвана коллективная монография «Лингвистика информационно-психологической войны» (Красноярск, 2017), которая «предназначена прежде всего для людей, профессионально интересующихся проблемами информационно-психологических войн, но полезна для широкого круга читателей, поскольку способствует пониманию тех опасностей, которые влечет за собой развернутая против России информационно-психологическая война, и осознанию необходимости противостоять ей» (стр. 2).

Монография написана в рамках одного из только оформляющихся направлений политической лингвистики — лингвистики информационно-психологической войны (далее — ИПВ) — и, можно сказать, с целью «оформления» данного направления в качестве самостоятельного. Авторы работы, опи-

раясь на анализ специальной литературы по теме и личные наблюдения над текстами с признаками ИПВ, предлагают свое понимание лингвистического аспекта теории и технологии ИПВ. «Это понимание предстает как лингвистика информационно-психологической войны — дисциплина, изучающая и систематизирующая основные терминопонятия, междисциплинарные связи, стратегии и тактики, лингвистический инструментарий этого социально-политического феномена» (стр. 6). Монография состоит из двух разделов, посвященных соответственно рассмотрению общетеоретических и частных аспектов лингвистики ИПВ.

Как и любая сравнительно новая сфера исследования, лингвистика ИПВ нуждается в уточнении ключевых понятий, приведении в порядок терминосистемы. Первый раздел рецензируемой монографии последовательно, с опорой на серьезные научные изыскания, уже предпринятые в сфере исследования ИПВ, призван уточнить само понятие ИПВ, признаки и типы ИПВ, представить научные основания лингвистики ИПВ. Так, анализируя существующие подходы к определению ИПВ, авторы (А. П. Сквородников, Г. А. Копнина) приходят к выводу о необходимости введения собственного определения ИПВ с учетом роли языка в психологическом воздействии: «информационно-психологическая война — это противоборство сторон, которое возникает из-за конфликта интересов и/или идеологий и

осуществляется путем намеренного, прежде всего языкового, воздействия на сознание противника (народа, коллектива или отдельной личности) для его когнитивного подавления и/или подчинения, а также посредством использования мер информационно-психологической защиты от такого воздействия» (стр. 11). На наш взгляд, в определении отражены ключевые признаки ИПВ, однако в отдельном детальном пояснении нуждается такой отмечаемый авторами признак, как «когнитивное подавление/ подчинение».

Несмотря на очевидную языковую доминанту средств воздействия в сфере ведения ИПВ, комплексных исследований именно лингвистики ИПВ явно недостаточно, что справедливо отмечают А. П. Сковородников и Г. А. Копнина: «...в современном языкознании оказываются исследованными лишь некоторые речевые стратегии и языковые средства политической коммуникации, которые могут использоваться в ИПВ. Между тем комплексная разработка лингвистического аспекта ИПВ чрезвычайно важна для совершенствования государственной политики противодействия информационно-психологической агрессии против России» (стр. 13). Комплексный подход к лингвистике ИПВ как особому научному направлению в рамках политической лингвистики авторы монографии начинают разрабатывать с уточнения ключевых понятий и терминов лингвистики ИПВ: уточнены понятия *субъектов ИПВ*; дифференцированы *объект и мишень ИПВ*; определено понятие *информационно-психологическая операция*; обозначены *каналы распространения информации* в рамках ведения ИПВ и термин *информационно-психологическое оружие*; введено понятие *технологии ИПВ* (стр. 18—21).

Следующим этапом работы коллектива авторов рецензируемого труда становятся поиски научного основания лингвистики ИПВ как особого направления политической лингвистики. В частности, во второй главе первого, общетеоретического раздела последовательно выдвигаются философские, психологические и политологические основания лингвистики ИПВ (стр. 21—51). И основания эти, стоит отметить, оказываются крепкими и состоятельными. Так, на основе глубокого осмысления внушительного объема специальной научной литературы по философии войны авторы предлагают характеристику основных постулатов философии войны в преломлении к лингвистике ИПВ как особому научному направлению. Например, постулат о ценностном основании войны и взаимосвязи физической войны и войны ду-

ховной преломляется в отношении лингвистики ИПВ в утверждение о том, что «*лингвистический аспект изучения ИПВ подразумевает описание выраженных языковыми средствами символов, мифов, идеологем, симулякров, а также ключевых слов, фразеологии, метафор этой войны*» (стр. 31). Кроме того, рассматриваются такие постулаты, как постулат многоаспектности философии войны, постулат о войне как форме коллективной агрессии, постулат о связи между войной и политикой и другие (стр. 25—33).

Некоторые теоретические выкладки психологов и психолингвистов взяты в качестве психологических оснований лингвистики ИПВ. Среди таких важнейших теоретических положений из теории и практики психологии авторы выделяют цели и условия успешности психологического воздействия, а именно: учет в речи социально-психологических и национально-психологических особенностей адресата; организация речевого воздействия с учетом закономерностей восприятия, осмысления и усвоения информации; продуманность текста ИПВ в аспекте его логического построения; учет особенностей формирования убеждений, стереотипов и установок. Отмечается несомненная значимость для лингвистики ИПВ таких понятий из психологии войны, как речевые стратегии, субстратегии и тактики, используемые акторами ИПВ. Не вызывает вопросов и то утверждение авторов второй главы, что лингвистика ИПВ как особое научное направление может использовать (и уже делает это) некоторые понятия из теории и практики психологии, ср.: агрессия, массовое сознание, архетипы и др. Однако несколько неполным и нуждающимся в серьезном комментарии, на наш взгляд, является положение о том, что «*теоретическим основанием лингвистики ИПВ могут послужить выводы психологов об используемых акторами войны жанрах (не всегда с использованием этого термина), таких как листовка, плакат, кинофильм, мультфильм, компьютерная игра; призыв, лозунг, девиз; анекдот, комикс, комментарий, репортаж, интервью; цирковая пантомима, карикатура, фарс*» (стр. 43). Важность учета условий успешности психологического воздействия и необходимости выявления стратегий и тактик в текстах с признаками ИПВ продемонстрирована на примере досконального и глубокого анализа текста «Привет от тов. Тютчева» («Аргументы и факты», 16.03. 2016) (стр. 43—48). Такой убедительный анализ языкового материала подтверждает теоретические выкладки авторов о том, что лингвистика ИПВ

должна иметь серьезные психологические основания.

Завершает вторую главу первого раздела параграф, посвященный важности политологических оснований для лингвистики ИПВ. В частности, подчеркивается очевидность связи политической лингвистики с политологией, а следовательно, и связь последней с лингвистикой ИПВ, поскольку «у лингвистики ИПВ тот же предмет исследования, что и у политической лингвистики: политический язык как средство влияния на сознание общества или какого-либо его сегмента» (стр. 51). Однако, справедливо отмечают авторы, «в лингвистике ИПВ политический язык изучается как средство насильственного влияния (речевой агрессии и/или речевой манипуляции), связанного с нанесением вреда и даже коммуникативным убийством» (стр. 51). Данное утверждение становится одним из решающих для определения лингвистики ИПВ в качестве особого научного направления в рамках политической лингвистики (стр. 51).

Третья глава первого раздела посвящена изучению языка ИПВ, конкретнее — стратегиям, тактикам и речевым приемам ведения ИПВ. В части 3.1. представлен анализ типичных стратегий и тактик ИПВ, применяемых во внутрироссийской ИПВ, на конкретном языковом материале — текстах издания «Новая газета», по мысли авторов монографии, «коллективного актора ИПВ» (стр. 56). Автор последовательно анализирует тексты газеты на предмет реализации стратегии нанесения психологического ущерба, выделяя субстратегии дискредитации и дезинформации, которые, в свою очередь, представлены соответственно субстратегиями диффамации, прямого негативного оценивания, косвенного негативного оценивания и лжи / искажения фактов, замалчивания или сокрытия фактов, подмены понятий, оценок, аргументов. Каждая субстратегия представлена определенными речевыми тактиками (стр. 58—78). На наш взгляд, данный «стратегический» подход к анализу языкового материала на предмет выявления в нем признаков ИПВ весьма продуктивен и перспективен, поскольку позволяет не только строго обозначить цели и мишени актора ИПВ, но и рассмотреть конкретные речевые механизмы «попадания» в них.

Большой интерес вызывает параграф 3.2. *Пролегомены к анализу жанров и языковых средств ИПВ*, так как здесь авторы выделяют еще одно значительное направление в русле лингвистики ИПВ: отмечается необходимость в серьезных исследованиях, посвященных жанровому своеобразию текстов

с признаками ИПВ, а также потребность в самом пристальном внимании лингвистов к собственно языковым средствам ИПВ. Так, по мнению А. П. Сковородникова и Г. А. Копниной, наиболее «удобными» жанрами для акторов ИПВ являются *памфлет, фельетон, сатирический комментарий, анекдот и некоторые другие малоформатные жанры* (стр. 83), а среди собственно языковых средств наиболее частотными становятся такие тропы и фигуры, обладающие негативной коннотацией, как *эпитеты, метафоры, перифразы, амплификация, оксюморон и др.* (стр. 84—93).

Как раз анализу собственно языковых средств посвящен раздел 3.3. *Ономастические игры в аспекте информационно-психологических войн*, автор которого (Б. Я. Шарифуллин) в качестве источника языкового материала избирает сайты радиостанции «Эхо Москвы» и информационного агентства «РИА „Новости“». Автор особое внимание уделяет «американским» и «украинским» играм оным: *Пиндостан/Пиндосия (США), Бардак Алабама (Барак Обама), Псаки в глаза — божья роса (о Джен Псаки), Хохляндия/Хохлостан (Украина), Попрошено/Парашенко (Порошенко) и др.* (стр. 95—105). Тем не менее Б. Я. Шарифуллин не обходит вниманием и примеры ономастической игры со стороны противников современной России, мишенью которых, в первую очередь, становится Президент РФ В. В. Путин: *Путлер, Путлерюгенд (В. В. Путин), путеноиды/путиноиды (о сторонниках В. В. Путина)* (стр. 105—106). Автором раздела собран и детально проанализирован богатейший материал по ономастическим играм, которые могут быть сильным оружием в умелых руках акторов ИПВ. И никто не станет спорить с тем, что патриотизм — дело святое, однако, на наш взгляд, авторские оценки типа «Традиции Н. В. Гоголя, нередко использовавшего ономастическую игру (пример: Хома Брут из „Вия“), как видим, современными украинцами не востребованы. Может, потому на Украине и не считают его „самостийным“ украинским писателем, в отличие от Т. Шевченко? Тем более что писал Гоголь на русском языке» (стр. 95) излишни для ученого-лингвиста и содержат признаки ИПВ, направленной уже на дискредитацию украинцев.

В арсенале акторов ИПВ большой запас «технических» средств, одним из которых является идеологема ПУТИН / ЛИДЕР НАЦИИ, использующаяся как оружие информационной войны на французской политической арене. Именно дискурсивные стратегии и тактики применения означенной

идеологемы становятся предметом пристального анализа автора последнего параграфа третьей главы (А. В. Колмагорова) *Идеологема «Путин — лидер нации» в СМИ России и Франции*. Последовательно и тщательно анализируя идеологему ПУТИН — ЛИДЕР НАЦИИ в дискурсе российских и французских СМИ, А. В. Колмагорова приходит к удивительным выводам: *во французском медиадискурсе идеологема ПУТИН — ЛИДЕР НАЦИИ рассматривается как подлинное, истинное явление, подлежащее позитивной оценке и являющееся социально привлекательным*, тогда как *в российском оппозиционном медиадискурсе идеологема ПУТИН — ЛИДЕР НАЦИИ предстает как нечто, не имеющее реального бытия, как миф, ложь, идеологический продукт, подлежащий разоблачению и высмеиванию* (стр. 125—126). Кроме того, что во Франции данной идеологеме приписываются такие качества, как *маскулинность, сексуальная привлекательность, сила лидера, амбиции, отношения уважительного подчинения, ясные перспективы нации* (стр. 125—126), функция обсуждаемой идеологемы — *выступать оружием информационной войны правых с левыми, орудием внедрения в массовое сознание идеалов „сильной“ власти* (стр. 126). В дискурсе же оппозиционных российских СМИ идеологеме ПУТИН — ЛИДЕР НАЦИИ приписываются такие концептуальные признаки, как *«атипичность лидера как человека», «неспособность лидера и нации к коммуникации», «бессилие лидера», «неискренность лидера», «безропотность и серость самой нации», «наличие нескольких людей, которые понимают всё»* (стр. 126). Так на примере анализа функционирования одной из идеологем в дискурсе СМИ России и Франции А. В. Колмагорова продемонстрировала силу применения еще одного возможного оружия в условиях ведения ИПВ. Данный пример анализа может стимулировать лингвистов к обращению более пристального внимания и на другие идеологемы, используемые в СМИ разных стран.

Таким образом, в первом разделе монографии не только закладывается основательный теоретический фундамент для лингвистики ИПВ как особого направления политической лингвистики, но и намечаются возможные пути научных изысканий в области исследования собственно языка ИПВ: изучение стратегий и тактик ведения ИПВ; исследование специфических жанров ИПВ и лексико-грамматического потенциала текстов с признаками ИПВ; анализ языковой игры как «отнюдь не детского» средства ве-

дения ИПВ; изучение идеологем как оружия ИПВ.

Второй раздел монографии также состоит из трех глав и посвящен частным вопросам лингвистики ИПВ.

Примечательно, что язык может не только служить средством осуществления ИПВ, но и сам стать ее объектом. Именно исследованию русского языка как мишени ИПВ посвящена четвертая глава. Русский язык рассматривается в контексте проблем национальной безопасности. Мы полностью согласны с автором (А. А. Бернацкая) в том, что в концепции государства относительно национальной безопасности русскому языку не уделяется достаточное внимание, тогда как *«русский язык как генетическое хранилище русской и общероссийской идентичности, ядро исторической культуры российского государства, инструмент межреспубликанского общения, инструмент трансляции общечеловеческих культурных и информационных ценностей в субъекты РФ и ближнего зарубежья, как основа лингвокультурной идентичности Русского мира, что в целом обеспечивает международный политический авторитет России, безусловно, должен признаваться как один из важнейших и объектов, и факторов обеспечения информационной и, шире и значительнее, национальной безопасности Российской Федерации»* (стр. 141). Более того, никто из людей, имеющих профессиональное отношение к языку, не станет возражать против утверждения о том, что «язык есть дух народа», поэтому пренебрежительное, а порой и уничижительное отношение к языку негативно сказывается на состоянии того самого народного духа. На наш взгляд, проблема, поднимаемая А. А. Бернацкой, поистине государственного масштаба, а с материалами данного раздела неплохо было бы ознакомиться специалистам, занимающимся вопросами национальной безопасности.

Специалистов в области исследования феномена языковой игры особенно заинтересует параграф 4.2. *Русский язык в контексте русофобии*: автор (И. В. Евсеева) детально анализирует некоторые публикации известного филолога и не менее известного русофоба М. Н. Эпштейна, который в 1990 г. эмигрировал в США, где в Институте Кеннана в Вашингтоне занимался исследованием темы «Советский идеологический язык». И. В. Евсеева в качестве языкового материала избирает интернет-проект М. Н. Эпштейна «Дар слова. Проективный лексикон» и его книгу «Великая Сось». Эпштейн в своих текстах активно занимается «речетворче-

ством», одной из целей которого является *минимизация значимости языка, дискредитация его носителей и, как следствие, ослабление влияния в мире* (стр. 156).

Не только лингвистам, но и литературоведам будет интересна пятая глава монографии, поскольку она посвящена исследованию художественных текстов на предмет выявления в них признаков ИПВ, ведущейся против России. В частности, анализируются такие произведения, как повесть «Катастрофа. Повесть о перестройке в Партграде» А. А. Зиновьева (стр. 157—177), роман «ЖД» Д. Л. Быкова (стр. 177—199) и роман М. П. Шишкина «Венерин волос» (стр. 199—210). Оставим литературоведам судить о художественной ценности указанных произведений, результаты же глубокого и поражающего культурно-исторической эрудицией лингвистического анализа, предпринятого А. А. Бернацкой, свидетельствуют о том, что художественная литература при определенных условиях может стать мощным оружием в процессе ведения ИПВ. Позволим себе не согласиться лишь с утверждением автора о том, что *«эта сфера культуры (художественная литература. — Л. В.) оказывается непосредственно связанной с понятием информационной и, следовательно, национальной безопасности государства»* (стр. 210), так как от этой мысли всего несколько шагов до идеологической цензуры.

Наконец, шестая глава рецензируемого коллективного труда затрагивает одну из самых конфликтных, на наш взгляд, тем в современной России — тему православия вообще и Русской православной церкви в частности. Православие рассматривается авторами (Г. А. Копнина, А. П. Сковородников) как одна из ключевых мишеней ИПВ. Казалось бы, для чего обращаться к такой и без того проблемной теме? Сейчас можно часто услышать или прочесть утверждения о том, что РПЦ не имеет права вмешиваться в дела государства, что православие — это «устаревшая» система ценностей, да и вообще «церковь не та», но даже любой атеист, если он разумен и образован, не станет отрицать важнейшей роли православия и РПЦ в тысячелетней судьбе России, не будет «открещиваться» (простите за каламбур) от того, что является неотъемлемой частью не только его истории и культуры, но и менталитета. Г. А. Копнина дает исчерпывающий ответ в параграфе 6.1. *Причины выбора православия в качестве мишени информационно-психологической войны и некоторые способы его дискредитации*, приводя объективные исторические, культурные и даже психологические основания для рас-

смотрения православия как мишени ИПВ (стр. 210—217).

Более того, полученные автором результаты подробного лингвистического анализа всего четырех публикаций, посвященных Русской православной церкви, демонстрируют явные признаки ИПВ в этих текстах, а отнюдь не конструктивную критику «незайнтересованных» журналистов «Новой газеты» деятельности РПЦ и отдельных ее представителей (стр. 217—230). Г. А. Копнина делает справедливый вывод о том, что *«анализ газетных публикаций позволяет говорить о существовании особого пейоративного типа текстов ИПВ, для которого характерна стратегия легевфемизации, выражающаяся в приемах субъективизации повествования и позволяющая без правовых рисков публично представлять в негативном свете (дискредитировать) то, что составляет государственные устои общества, в нашем случае — православие, проводником которого выступает Русская Православная Церковь»* (стр. 230).

Особый интерес не только специалистов по языку, но и широкого круга читателей может вызвать параграф 6.3. *Посягательство на церковнославянский язык* (автор А. П. Сковородников). Признаемся, кто из нас хотя бы раз не задумывался о том, что церковнославянский язык «безнадёжно устарел» и большей части современных прихожан не понятен, что нужно бы «осовременить» язык церковных служб и книг? В указанном разделе монографии приводится целая система разумных аргументов в поддержку необходимости использования церковнославянского языка в богослужебной практике. Причем поразному можно относиться к мнению служителей церкви по этому вопросу (стр. 232—235), но невозможно не брать в расчет убедительность серьезных доводов филологов-русистов: церковнославянский язык является источником обогащения лексики и фразеологии современного русского литературного языка; без знания основ церковнославянского языка и Евангелия становится не понятен огромный пласт русской и европейской художественной литературы, не только классической, но и современной (стр. 236—253). По мнению А. П. Сковородникова, *«в аспекте экологии русского языка и противостояния ИПВ более чем назрел вопрос о включении церковнославянского языка и избранных библейских текстов в систему школьного обучения русскому языку и литературе»* (стр. 253).

В целом монография представляет собой серьезное теоретическое осмысление лингвистики ИПВ как самостоятельного

научного направления в рамках политической лингвистики. Работа, без сомнения, имеет теоретическую и практическую ценность, поскольку не только уточняет понятийный аппарат лингвистики ИПВ, но и предлагает конкретные направления исследований языковой и прагматической организации текстов с признаками ИПВ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брусницын Н. А. Информационная война и безопасность. — М. : Вита-Пресс, 2001. 280 с.
2. Бухарин С. Н., Цыганов В. В. Методы и технологии информационных войн. — М. : Академический проект, 2007. 382 с.
3. Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 1996. 214 с.
4. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. — М. : Прогресс, 1984. 400 с.
5. Баранов Е. Г. Информационно-психологическое воздействие: сущность и психологическое содержание // Национальный психологический журнал. 2017. № 1 (25). С. 25—31.

L. E. Vesnina, E. A. Nakhimova
Ekaterinburg, Russia

INFORMATION AND PSYCHOLOGICAL WARS IN RUSSIA

ABSTRACT. *This is a review of a multi-authored monograph "Linguistic Informational and Psychological War" (Vol. I, edited by Prof. A.P. Skovorodnikov, Krasnoyarsk, 2016 – 280p.). The monograph is written by A.A. Bernatskaya (par. 4.1, 5.1-5.3), I.V. Yevseeva (par. 4.2), A.V. Kolmogorova (par. 3.4), G.A. Koptina (par. 6.1, 6.2), A.P. Skovorodnikov (introduction and par. 6.3), A.P. Skovorodnikov and G.A. Koptina (par. 1.1-1.3, 2.1-2.3, 3.2, conclusion), B.Ya. Sharifullin (par. 3.3). The monograph discusses linguistics of informational and psychological war as a branch of Political Linguistics. The first part of the monograph gives serious scientific grounds for linguistics of informational and psychological war as a branch of Political Linguistics, specifies the terminology of this area, outlines the tendencies of the analysis of texts with the features of informational and psychological war (strategies and tactics, lexico-grammatical structure of the texts, language game, etc.). The second part discusses some aspects of informational and psychological war: the Russian language and Orthodoxy as targets of this confrontation, and the potential of fiction as a convenient space for information and psychological war.*

KEYWORDS: *information and psychological wars; political discourse; media discourse; mass media; language of mass media; communicative strategies; communicative tactics; language game.*

ABOUT THE AUTHORS: *Vesnina Ludmila Evgenievna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

Nakhimova Elena Anatolievna, Doctor of Philology, Professor, Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

REFERENCES

1. Brusnitsyn N. A. Informatsionnaya voyna i bezopasnost'. — М. : Vita-Press, 2001. 280 s.
2. Bukharin S. N., Tsyganov V. V. Metody i tekhnologii informatsionnykh voyn. — М. : Akademicheskii proekt, 2007. 382 s.
3. Gridina T. A. Yazykovaya igra: stereotip i tvorchestvo : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 1996. 214 s.
4. Gumbol'dt V. fon. Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu. — М. : Progress, 1984. 400 s.
5. Baranov E. G. Informatsionno-psikhologicheskoe vozdeystvie: sushchnost' i psikhologicheskoe sodержание // Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal. 2017. № 1 (25). S. 25—31. URL: <http://npsyj.ru/articles/detail.php?article=6819> (data obrashcheniya: 14.06.2017).
6. Issers O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi. Izd. 5-e. — М. : Izd-vo LKI, 2008. 288 s.
7. Konventsiya ob obespechenii mezhdunarodnoy informatsionnoy bezopasnosti (kontseptsiya). 22.09.2011. URL:

<http://npsyj.ru/articles/detail.php?article=6819> (data obrashcheniya: 14.06.2017).

6. Issers O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi. Izd. 5-e. — М. : Изд-во ЛКИ, 2008. 288 с.

7. Конвенция об обеспечении международной информационной безопасности (концепция). 22.09.2011. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/191666 (дата обращения: 14.06.2017).

8. Лингвистика информационно-психологической войны : коллектив. моногр. Кн. I / под ред. проф. А. П. Сквородникова. — Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2016. 280 с.

9. Мальшева Е. Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. № 4. С. 32—40.

10. Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России : моногр. / Астрахан. гос. техн. ун-т. — Астрахань : Изд-во АГТУ, 2004. 196 с.

11. Почепцов Г. Г. Информационные войны. Новый инструмент политики. — М. : Алгоритм, 2015. 256 с.

12. Тагильцева Ю. Р. Методологический анализ информационно-психологической войны: теоретический аспект // Политическая лингвистика. 2012. № 4 (42). С. 175—178.

http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/191666 (data obrashcheniya: 14.06.2017).

8. Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny : kolektiv. monogr. Kn. I / pod red. prof. A. P. Skovorodnikova. — Krasnoyarsk : Sib. feder. un-t, 2016. 280 s.

9. Malysheva E. G. Ideologema kak lingvokognitivnyy fenomen: opredelenie i klassifikatsiya // Politicheskaya lingvistika. 2009. № 4. S. 32—40.

10. Parshina O. N. Strategii i taktiki rechevogo povedeniya sovremennoy politicheskoy elity Rossii : monogr. / Astrakhan. gos. tekhn. un-t. — Astrakhan' : Izd-vo AGTU, 2004. 196 s.

11. Pocheptsov G. G. Informatsionnye voyny. Novyy instrument politiki. — М. : Algoritm, 2015. 256 s.

12. Tagiltseva Yu. R. Metodologicheskii analiz informatsionno-psikhologicheskoy voyny: teoreticheskii aspekt // Politicheskaya lingvistika. 2012. № 4 (42). S. 175—178.